

Карета с отличительным знаком семьи Лю на большой скорости мчалась по дороге, и пешеходы в страхе расступались перед ней, боясь попасть под колеса.

Внутри повозки друг напротив друга сидели Ли Риян и Лю Фэн. Ли Риян спросил:

— Чем болен твой дед? Было ли в его состоянии что-то странное перед тем, как он слег?

Лю Фэн задумался и ответил:

— Я и сам толком не знаю. Мой старик — бывший вояка, он прошел через сражения, а после, получив награду от императора, оставил службу и вернулся сюда заняться торговыми делами. Он никогда не бросал занятия боевыми искусствами, поэтому всегда отличался крепким здоровьем и серьезными болезнями не страдал. Но несколько дней назад он внезапно почувствовал стеснение в груди и легкое недомогание. Сначала мы не придали этому значения, но всего два дня назад дедушка неожиданно упал в обморок. Осмотревший его лекарь сказал, что это какая-то странная хворь — конкретный диагноз поставить не удалось, но тело старика с каждым днем слабело. А сегодня ему стало совсем плохо. Лекарь говорит, что до завтра он не дотянет, и велел нам готовиться к худшему. Но только что я услышал, что в усадьбе даоса Чжуана кто-то появился. Мы подумали, что это вернулся сам даос, и я бросился звать его на помощь, а в итоге встретил вас, даос.

Выслушав рассказ Лю Фэна, Ли Риян подпер голову рукой и задумался. В медицине он разбирался слабо, придерживаясь повседневного принципа достаточности, и его познания в этой области ограничивались лишь умением кое-как перевязать рану или сделать что-то в этом роде.

Будь здесь Чжуан Нун, тот, пожалуй, смог бы помочь. Прожив более семидесяти лет и застряв на одном месте в развитии из-за того, что его постижение Дао никак не двигалось вперед, старик успел обучиться самым разным вещам, и врачевание было в их числе. Чжуан Нун постиг медицину глубоко — настолько глубоко, что, если верить его собственным словам, при желании он мог превратить обычную собаку в писаную красавицу, да еще и способную рожать детей. Строго говоря, подобные штучки уже давно выходили за рамки медицины, но сам Чжуан Нун неизменно считал это целительским искусством.

— А какова сила твоего деда? — поразмыслив, спросил Ли Риян, глядя на Лю Фэна.

Лю Фэн подумал и ответил:

— Он находится на стадии Сяньтянь, до Великого Мастера ему остался всего один шаг.

Ли Риян кивнул. Система культивации боевых искусств несколько отличалась от пути бессмертных практикующих. Воинов обычно делили на ступени Входа в мир, Хоутянь, Сяньтянь и Великого Мастера. Первые три этапа соответствовали Стадии Очищения Ци обычных практиков, а уровень Великого Мастера соотносился со Стадией Закладки Основы.

Пределы развития воинов были не столь высоки, зато они не нуждались в особом таланте. В

отличие от культиваторов, требования к одаренности которых невероятно высоки — так что обычный человек за всю жизнь не способен даже почувствовать присутствие духовной ци, — воины тренировали жизненную энергию и кровь, и при усердных занятиях почувствовать ее мог практически каждый.

Однако в одном воины сильно уступали практикам: в продолжительности жизни. Жизнь большинства воинов, за исключением уровня Великого Мастера, ничем не отличалась от жизни обычных людей, и даже прорыв к Великому Мастеру позволял с трудом дотянуть лишь до двухсот лет.

Практики же были иными. Мастера Стадии Закладки Основы также жили около двухсот лет, но по мере прорыва через новые границы их срок жизни постепенно увеличивался. Ходили слухи, что в самом конце пути можно даже вознестись и сравняться с долговечностью неба и земли. Впрочем, из всех достигших бессмертия Ли Риян знал лишь Императора Бессмертных, что подарил ему его башню, а о других ему слышать не доводилось.

Пока Ли Риян размышлял над тем, как поступить, повозка резко остановилась. Сидевший в кузове Лю Фэн кубарем полетел на пол, но Ли Риян вовремя зафиксировал себя с помощью заклинания и устоял на ногах.

Лю Фэн поднялся с пола, высунулся наружу и закричал кучеру:

— Вы что творите, водить не умеете?! Не бойтесь, что я урежу вам жалование?

Услышав про урезание жалования, кучер испуганно замахал руками:

— Это не я! Там впереди дорогу перегородила чужая карета!

Он указал вперед, и Лю Фэн посмотрел на преграду. Посреди дороги поперек встала роскошная карета, а запряженные в нее две лошади неторопливо жевали траву, которую кто-то бросил прямо на мостовую.

Увидев эту повозку, Лю Фэн слегка нахмурился. На ее кузове красовался крупный иероглиф Ван, подчеркивающий высокое происхождение владельца.

В этот момент из-за кареты вышел человек. Слегка покачивая складным веером, он посмотрел на Лю Фэна и произнес:

— Молодой господин Лю, чего это вы так несетесь? Было бы скверно, если бы вы сбили кого-нибудь на улице.

При виде появившегося человека Лю Фэна передернуло, словно он увидел что-то омерзительное:

— Ван Ян, нестись по улице и впрямь было ошибкой с моей стороны, мы разберемся с этим

позже, а сейчас немедленно уберите свою карету с дороги, у меня срочные дела!

Юноша, которого называли Ван Яном, подошел к своей повозке и, поглаживая лошадей по крупам, пропел:

— Ой, какая неприятность, мне ужасно жаль. У моих лошадок тут ножки повредились, идти совсем не могут. Но вы не переживайте, я уже отправил слугу домой за свежими скакунами, так что подождите немного... А если невтерпёж, можете объехать другой дорогой.

Лю Фэн внимательно пригляделся к лошадям. Никаких следов травм у них не было и в помине — все восемь ног были целы и невредимы, и животные время от времени лениво переступали ими, разминаясь.

Видя, что этот наглец бесстыдно врет ему прямо в глаза, Лю Фэн окончательно потерял терпение. Встав на бортик своей повозки и тыча в него пальцем, он взревел:

— Твою мать, немедленно убирай колыхагу с дороги!

Услышав это, Ван Ян подбочился и вызывающе бросил:

— А вот и попробуй сдвинь, слабо?

— Тьфу-тьфу-тьфу! — высунув язык, Ван Ян принялся дразнить Лю Фэна.

Наблюдавший за этой сценой с помощью духовного восприятия Ли Риян почувствовал, как у него по спине побежали мурашки. Этот Ван Ян был до отвращения мерзким: манеры жеманные, ни то ни сё, а когда он упер руки в боки и высунул язык, у Ли Рияна в желудке и вовсе заворчалось от тошноты.

Украдкой подойдя к охраннику, Ли Риян указал на стоявшего впереди Ван Яна и спросил:

— Что это за тип? Почему от него так воротит?

Охранник огляделся по сторонам, убеждаясь, что Лю Фэн занят и не услышит его, а поблизости нет посторонних, и ответил:

— Он третий молодой господин семьи Ван. Семья Ван и наш род Лю издавна заклятые враги в торговых делах. Мы грыземся и переманиваем друг у друга клиентов уже много лет, терпеть друг друга не можем. Еще в прошлом году глава семьи Ван встретился с нашим главой, они пообщались и решили, что продолжать эту вражду дальше бессмысленно, лучше объединить усилия, и предложили идею заключить брак между нашими родами.

— И в чем же проблема? — удивился Ли Риян. Подобные маневры между кланами были делом привычным, но затем он предположил: — Неужели Ван Ян или Лю Фэн положили глаз на чьего-то чужого возлюбленного?

— Нет, — покачал головой охранник. — Сама по себе идея была неплоха, и обе семьи отнеслись к ней с энтузиазмом. Вся беда в Ван Яне. Услышав про грядущий брак, он вызвался добровольцем. Глава семьи Ван обрадовался его инициативе и дал добро, решив выждать благоприятный день, чтобы семьи собрались вместе и познакомились. Но патриарх семьи Ван просчитался в одном: он никак не ожидал, что Ван Ян давно сохнет по нашему молодому господину Лю Фэну. И вот, накануне смотра семей, Ван Ян тайком перелез через стену в покои нашего молодого господина и даже улегся с ним в одну постель. Когда на следующее утро молодой господин проснулся и обнаружил рядом с собой Ван Яна, одетого в один лишь женский нагрудник и прижимающегося к его руке, его едва не хватил удар. Молодой господин накрыл его одеялом, отлупил до полусмерти и сбросил в колодец. С тех пор, как только семьи встречаются, они готовы глотки друг другу перегрызть. Ван Ян теперь везде раструбил, будто молодой господин воспользовался им и бросил, обозвав бессердечным негодяем. А молодой господин, разумеется, ничего не признает и твердит, что это грязная клевета.

Слушая этот рассказ, Ли Риян просто не знал, что и сказать. Ему оставалось лишь пожалеть беднягу Лю Фэна: если бы он сам, проснувшись утром, обнаружил рядом с собой нечто подобное, то, пожалуй, до конца дней боялся бы приближаться к постелям, а то и вовсе заработал бы импотенцию.

Тем временем пикировка перед каретами продолжалась. Ван Ян, скрестив руки на груди и отвернувшись, капризно протянул:

— Хм, бессердечный негодяй! Попользовался мной и сбежал, ни капли ответственности!

Какой-то прохожий, лущающий семечки, вставил:

— И то верно, и то верно! Какой подлец, мужчины тоже должны отвечать за мужчин!

— Пошел к черту! — услышав, что Ван Ян снова заводит шарманку о том же самом, Лю Фэн взревел от ярости: — Моя ориентация в полном порядке! Чертовски в порядке! Я люблю женщин! Женщин! А не эту твою мерзкую харю! А ну убирайся с дороги, у меня срочные дела, мать твою!

Прохожий с семечками засомневался:

— А может, тут и правда какое-то недоразумение? Я ведь сам видел, как Лю Фэн заходил в веселый дом... пусть и провел там совсем немного времени.

Услышав, что Лю Фэн посещал заведение с куртизанками, Ван Ян потрясенно отшатнулся на пару шагов. Вытаращив глаза, он недоверчиво завопил:

— Ты... ты... как ты мог ходить в такое место?! Ты никогда обо мне так не заботился, зато бегаешь к этим продажным девкам! У-у-у!

С этими словами Ван Ян закрыл лицо руками и горько зарыдал прямо на корточках.

— По-моему... — начал было другой прохожий.

— Заткнитесь все! — оборвал его Лю Фэн, не дожидаясь конца фразы. Указав на толпу зевак, он рывкнул: — А ну пошли вон отсюда!

Затем он снова ткнул пальцем в ревущего Ван Яна и заорал:

— Какое тебе вообще дело, куда я хожу?! Да я хоть в мужской бордель отправлюсь, и то тебя касаться не должно!

Стоило Лю Фэну это выкрикнуть, как лица всех окружающих зевак вытянулись в невероятном изумлении. На их физиономиях отчетливо читалось: Ах вот оно что, оказывается вон оно как...

К слову о тех самых мужских заведениях — если описывать их в двух словах, то это место, где мужчине с мужчиной приходится ох как нелегко.

Услышав слова Лю Фэна, Ван Ян мгновенно подскочил на ноги и ткнул в него пальцем:

— Видишь? Ты сам во всем признался! Ты такой же, как я! И сейчас в твоей карете наверняка прячется твой новый любовник, да?!

Сидевший внутри повозки Ли Риян остолбенел. С какого перепугу его приплели к этому делу? Разве нельзя было спокойно досмотреть представление?

Ван Ян уже раскрыл рот, собираясь сказать что-то еще, как вдруг из кареты позади Лю Фэна вылетел огромный серебристо-белый молот. В одно мгновение он в щепки разнес кузов повозки Ван Яна, а затем превратился в гигантскую ладонь, недвусмысленно указавшую тому убираться с дороги.

Сделав это, молот втянулся обратно в карету. Ван Ян от страха онемел и застыл на месте, послушно отступив в сторону.

Толпа зевак смотрела на груды обломков, не в силах вымолвить ни слова. В этот момент раздался голос Ли Рияна:

— Поехали.

Опомнившись от испуга, Лю Фэн поспешно приказал кучеру трогаться с места, а сам предпочел остаться на облучке, наотрез отказавшись возвращаться внутрь.

Ли Риян же сидел в карете с самым невозмутимым видом: Вздумал впутывать меня в свои дразги? То, что я не отходил тебя как следует — уже проявление моей доброты.

...

Провожая взглядом удаляющуюся карету, Ван Ян со страху осел прямо на землю. Глядя вослед исчезающей повозке, он закусил губу и тихо прошептался:

— Значит, тебе нравятся такие... Что ж, хорошо, я стану именно таким, каким ты хочешь меня видеть.

<http://bllate.org/book/19219/1886692>